

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 2 de setiembre de 1969

Буэнос Айрес, вторник 2 сентября 1969 года № 1019

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ВЛАДИМИРУ КИРИЛЛОВИЧУ

Секретариат Российского Народно-Монархического Движения и Редакция “Нашей Страны” шлют свои преданные и искренние поздравления ко дню рождения Вашего Императорского Высочества.

Мы с радостью отмечаем, что имя Главы Династии известно на нашей родине и не только в крупных центрах, но и в далеком Куйбышеве, куда проникли номера “Нашей Страны” с очередными поздравлениями Вашему Императорскому Высочеству, что вызвало бессильную злобу куйбышевских коммунистов.

Чем больше будет известно на нашей родине о Главе Династии Дома Романовых, тем благоприятнее будет почва в освобожденной России для народно-монархической пропаганды.

С глубокой верой в светлое будущее России и конечное торжество монархической идеи мы возносим молитвы Господу о ниспослании Вашему Императорскому Высочеству здоровья и успехов на тяжком пути служения нашей Родине-России.

Секретариат Российского Народно-Монархического Движения
Редакция “Нашей Страны”

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ И К.Г.Б.

То, о чем я расскажу ниже — чудовищно. Порой мне кажется, что его не было, был кошмарный сон. Если бы так!

Советская власть прочно держится в России только благодаря мощнейшему аппарату подозрения. В первую очередь, тому, что в разные времена называлось ЧЕКА, ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ — тайной полиции, то есть, советскому Гестапо. Общеизвестно, что убитые им исчисляются многими миллионами, но если говорить о душах терроризируемых и уродуемых им, то это — весь народ СССР. Щупальцами КГБ, как раковыми метастазами пронизана вся жизнь, в частности, вся советская литература. Я не знаю ни одного писателя в России, который бы не имел дела с КГБ. Отношения эти бывают трех категорий:

1) Вы старательно сотрудничаете с КГБ. Тогда у вас есть все возможности преуспевать.

2) Вы лояльны к КГБ, но прямо сотрудничать отказываетесь. Тогда вы лишены очень многого, в частности, выезда за границу.

3) Вы отменяете все предложения КГБ и вступаете с ним в конфликт. Тогда вы не публикуетесь, или попадаете в концлагерь.

Как все это делается я покажу на примере себя. Подобное мог бы, впрочем, рассказать любой, хоть чуточку известный писатель в России. Но они там — они хотят жить, они молчат.

В августе 1961-го года я готовился впервые в жизни поехать за границу — во Францию. Меня включили в писательскую делегацию. Это событие грандиозное, потому что в СССР выпускают за границу лишь людей близких, проверенных, не имеющих замечаний по работе, политически чистых, никогда в жизни не обращавшихся к психиатру, — несудимых и т. д. А самая процедура оформления длится много месяцев, требуют массы характеристик, анкет, секретных подписок, собеседований с накачкой, как вести себя. К концу процедуры человек настолько запуган и взвинчен, что поездка кажется уже каким-то священнодействием. Я прошел эту грандиозную процедуру и укладывал чемодан. Тогда мне позвонили и сказали, что сейчас придут из Госбезопасности. Пришли двое, показали удостоверение, пошутили, побеседовали о литературе, а потом перешли к делу: “Вам, конечно ясно почему мы пришли? В вашей делегации едет, как обычно, наш товарищ, но одному ему будет трудно, вы будете ему помогать. Ну, просто смотреть не осталось бы кто за границей, кто с кем встречается, как себя ведет”. — “Нет, я не хочу”, — сказал я. “Надо” — “Ну, пусть кто-нибудь другой”. “И другие будут”. — “А я не хочу!” — “Ну, тогда придется подумать. В таком случае, зачем же вам ехать?” Я молчал подавленный. Они стали мягко объяснять, что это самое обычное, самое естественное дело. Ни од-

на группа туристов, ни одна делегация не обходится без “товарища” и прикрепленных к нему общественных помощников. “Западный мир дьявольски коварен и мы должны быть невероятно бдительны”. Или я буду держать контакт с товарищем, или моя поездка отменяется. Я вообще никогда никуда не поеду. Товарищ будет очень симпатичный, он сам подойдет ко мне и скажет: “Привет от Михаила Михайловича”.

В нашей делегации было человек пятнадцать писателей, редакторов московских журналов. Собирались в ленинградском порту для посадки на лайнер “Латвия”. Я смотрел на каждого и думал: кто из них? Делегацией командовала женщина из Интуриста, постоянно пересчитывающая всех, как цыплят: “Может быть она?” Но вот на судне ко мне подошел один из журнальных редакторов и криво усмехаясь сказал: “Привет от Михаила Михайловича!” Был он наглый дурак — открыто и цинично шпионил за всеми. Также все время пересчитывал головы, жадно слушал разговоры. Но я заметил, что и некоторые писатели стреляют глазами. Особенно некий Сытин. Он сейчас занимает одну из ключевых позиций в советской кинематографии. Из полутора десятка человек делегации — один из Интуриста, второй “товарищ” и еще минимум пять общественных помощников. Позже я убедился, что это обычная система. Если едут пять человек — минимум два из них “стукачи”. Если едут двое — минимум один из них “стукач”, а если едет один, то он сам и есть “стукач”.

Может быть кто-нибудь из русских писателей, подобно мне, тоже дойдет до слепого ужаса, вырвется из под контроля КГБ и расскажет, что делали с ним. Может быть Евтушенко когда-нибудь поведает об условиях, при которых он ездил по свету, какие отчеты он писал. Ибо отчет после заграничной поездки мы обязательно пишем все. Такой отчет мне и приказали писать после Парижа. Я мучительно представлял, что напишет наш “товарищ”, чтобы совпасть с ним. Однажды кто-то опоздал к автобусу и “товарищ” позеленел от ужаса. Я подробно описал этот случай и подобные ему. Около половины отчета я посвятил доносу на самого себя, ибо это обязательно: куда ходил, с кем встречался, что говорил. Но мой отчет где-то наверху не понравился. Прошло восемь лет пока меня снова отпустили, вот сейчас, в Англию. Но вы увидите какой ценой.

Целых восемь лет я жил в Туле и ко мне все время ходили “товарищи”. Когда я стал расспрашивать других писателей, выяснилось, что это тоже самая обычная вещь — ко всем ходят, ко всем... И писатель, в зависимости от степени его порядочности выбирает одну из трех категорий сотрудничества или отношений. У меня мягко и вежливо выспрашивали о жизни: над чем работаю, над чем работают мои друзья, Евтушенко, Аксенов, Гладиллин и другие. Что они говорят, что собой представляют. Сперва я говорил только положительно — отзывался высоко, а мне возражали: вот Евтушенко делает ошибки, я невнимателен, я должен вызвать его на острые разговоры и донести, чем он дышет. Стали говорить со мной жестко, с угрозой. Тогда я не выдержал — я закричал им, что считаю это не порядочным и прошу их ко мне не ходить, что я не вижу вокруг себя ничего плохого, никаких заговоров, ничего антисоветского — если увижу, вот тогда позволю

Редакция помещает полный русский текст статьи Анатолия Кузнецова: “Русский писатель и КГБ” опубликованной в английской газете “Sunday Telegraph” от 10-го августа с. г. В этом документе-исповеди с пронзительной силой и неоспоримым доказательством свидетеля и жертвы, подробно повествуется о многоячейной сети, которой опутывает КГБ все сферы жизнедеятельности в СССР и особенно подневольную подсоветскую литературу.

Основное преимущество монархии (я говорю только о русской монархии) заключается в том, что власть получает средний человек и получает ее по бесспорному праву случайности: по пра-

ву рождения. Этот средний человек, лишенный каких бы то ни было соблазнов богатства, власти, орденов и прочего — имеет наибольшую в мире свободу суждения.

Иван СОЛОНЕВИЧ

А. Анатолий (Анатолий Кузнецов)

ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ (*)

Вы скажете, что все-таки трудно понять; почему писатель, имеющий на родине миллионные издания, популярность, хорошие деньги, вдруг не хочет возвращаться в свою страну, которую к тому же любит.

ПОТЕРЯ НАДЕЖДЫ

Я больше не могу там жить. Это оказалось сильнее меня. Именно больше не могу. Если мне сейчас снова оказаться в СССР, я там сойду с ума.

Не будь я писатель, может, выдержал бы. Но как писатель — не могу. Писать — это единственное занятие на свете, которое серьезно мне нравится. Когда я пишу, у меня иллюзия, будто в моей жизни даже есть какой-то смысл. Не писать — это для меня примерно то же, что для рыбы не плавать. Пишу, сколько себя помню. Печатаюсь 25 лет.

За эти 25 лет ни одно мое произведение не было напечатано в СССР так, как я его написал.

Советская цензура и редакторы из политических соображений сокращают, искажают, уродуют мои произведения до полной неузнаваемости. Или вообще не разрешают печатать.

Пока я был молод — на что-то надеялся. Каждая новая публикация для меня не праздник, а черный день. Потому что мое произведение появляется в свет каким-то уродливым, лживым, исковерканным, и мне стыдно смотреть людям в глаза. В Советском Союзе написать хорошую книгу — это еще самое простое. Главное мучение начинается потом, когда вы захотите ее напечатать.

Последние 10 лет я живу в непрерывном, безысходном, беспросветном противоречии. Опустились руки. Последний роман "Огонь" я писал с душой окаменевшей, без веры, без надежды. Я уже уверенно наперед знал, что даже если его и напечатают, то все человеческое беспощадно вырежут, в лучшем случае будет опубликована еще одна "идейная" мерзость. (Так и вышло, между прочим).

Я дошел до точки, когда больше писать не могу, спать не могу, дышать не могу...

ТРАГЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В литературе ценно то, что ново, что несет в себе художественное открытие.

*) "Наша Страна" воспроизводит оригинальный текст заявления Анатолия Кузнецова, в котором писатель объясняет причины побудившие его не возвращаться в СССР. Печатаемые в "Нашей Стране" статьи Кузнецова получили широчайшую огласку в печати всех стран свободного мира. Они нанесли советскому престижу самый сильный удар со времени процесса Кравченко.

Маленькая иллюстрация эффекта выступлений Кузнецова. Напечатанная "Обращение к людям" редакция журнала "Тайм" несколько номеров спустя напечатала также письмо одной читательницы следующего содержания: "Благодарю вас за опубликование "Объяснений Кузнецова". Мой муж и я — кубинцы. Мы сохраним этот номер для того, чтобы его прочитали наши дети в тот день, когда они нас спросят почему мы покинули Кубу, наш дом, нашу семью... ничто не сможет объяснить так хорошо, как эти слова Кузнецова, что для всех нас означало бы остаться на родине".

Письмо в Редакцию

Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

В своей интересной статье "Испанский урок", помещенной в "Нашей Стране" от 5-го августа, С. Л. Войцеховский в связи с признанием Кортесами 22-го июля с. г. Принца Хуана Карлоса Испанского, преемником генерала Франко, проводит некоторые параллели с возможностями восстановления монархии в России и высказывает мысль, что

"только мечтатели, закрывающие глаза на действительность, могут не видеть и не понимать, что прямой переход от нескольких десятилетий коммунистической диктатуры к Монархии — утопия, отклоняющая русских людей от реально возникающих перед ними задач".

Далее он говорит, что этот переход "даже в небольшой и едва затронутой коммунизмом стране", потребовал 30 лет и закончился, через Кортесы, изъяснением воли Народа, которого нельзя будет избежать и при восстановлении Монархии в России.

Цель настоящего письма не имеет в

виду возражать или вступать в полемику, но просто обратить внимание читателя на некоторые обстоятельства, несколько исключая аналогию с испанской революцией.

Прежде всего, не нужно оставлять без внимания тот факт, что коммунизм в Испании был не так побежден генералом Франко и его иностранными союзниками, как подавлен. Проявление недовольства режимом ген. Франко все время проявляется и сейчас, в виде периодически возникающих забастовок, студенческих демонстраций, вольнодумства профессуры и даже священнослужителей, действий 100-тысячной испанской эмиграции и довольно сильного движения Карлистов. Да, наконец, и результаты голосования в Кортесах, состав которых как-то генералом Франко все-таки был подобран (449 — за, 19 — против, 9 — воздержавшихся) говорят далеко не в пользу стабильности политического положения в Испании. (Легко себе представить самочувствие Царя Михаила Федоровича, если бы он был призван не единодушным волеизъявлением, а с подобными результатами голосования!). Другими словами, коммунистическая революция в Испании, при известном попустительстве власти, мо-

меня ставила на колени всегда. Отчаянное желание спасти хоть что-нибудь в своем творении, чтобы оно дошло до людей — привело меня к тому, что все мои опубликованные произведения — это не литература, и не пошлость, а чорт знает что. Какой-то немудрый плод сделки цензуры с авторской совестью.

Сколько я кричал, пытался что-то доказать, но это все равно, что биться головой о стену. Литературой в СССР командуют люди невежественные, циничные, от самой литературы далекие, зато отлично знающие последние указания сверху и партийные догмы.

Пробиться сквозь их строй я не смог. Чуть-чуть удавалось Евтушенко, немного Солженицыну, но и это уже в прошлом. Щели были замечены и зацементированы. А русские писатели все пишут, на что-то надеются. Это кошмар.

МОЯ МАНИЯ

Таким образом писатель в СССР поставлен перед выбором:

а) Подчиниться этому идиотизму. Спрятать мысли и совесть в карман. Если правит Сталин — славить Сталина. Велят сажать кукурузу — пиши о кукурузе. Разоблачают Сталина — разоблачай. Перестали разоблачать — перестань.

Много, много советских "писателей" именно таковы. Но жизнь не прощает насилия над совестью. Все они настолько циники и духовные уроды, а подспудная тоска по загубленному таланту так корезит, что подлое существование их — не жизнь, а скорее карикатура на жизнь. Пожалуй, трудно придумать самому себе худшее наказание: всю жизнь дрожать, юлить, жадно ловить указания, бояться ошибиться. О, Боже!

б) Писать по-настоящему, как велят талант и совесть.

Тогда сто против одного, что это не будет опубликовано. Это будет погребено. Может послужить причиной физической гибели.

Печально думать: на этот счет в России давние и прочные "традиции". Лучших русских писателей всегда травили, судили, убивали, доводили до самоубийства.

в) Попытаться творить "сколько возможно" честно. На неопасные темы. Иносказательно. Находить щели в цензуре. Пускать свои произведения по рукам в рукописях (но не антисоветские, иначе арестуют). Делать хоть что-нибудь! Этакий полувыход.

Я был среди тех, кто выбрал этот третий путь. Но мне не повезло. Цензура

Моя письменный стол был вообще без ящиков. Ящиками и надежным сейфом служила мне русская земля.

Моей подлинной манией стало увидеть мои книги опубликованными в том виде, в каком я их написал. Увидеть — и после этого хоть убивайте меня. Да, да, в этом отношении я стал болен, я маньяк.

ОТКАЗЫВАЮСЬ

Мальчиком я видел, как горели в России книги в 1937 году, при Сталине. Видал, как горели книги в 1942 году, в оккупированном Киеве, при Гитлере. Богу было угодно, чтобы при жизни мне довелось знать, как горят мои собственные книги. Потому что после того, как я сейчас ушел из СССР, конечно, мои книги там будут уничтожены.

Там постоянно уничтожаются какие-нибудь книги, почему бы моим составить исключение? А я молюсь, чтобы мои издания были уничтожены все до последнего. Раз это не то, что я действительно писал и хотел донести до людей, значит, это ведь не мои книги! Я сам отказываюсь от них.

Вот:

Публично и навсегда отказываюсь от всего, что под фамилией "Кузнецов" было опубликовано в СССР или вышло в переводах с советских изданий в других странах мира.

Ответственно заявляю, что Кузнецов — нечестный, конформистский, трусли-

ПОДХАЛИМЫ ПРОТИВ КУЗНЕЦОВА

Ответственный секретарь газеты "Комсомольская правда" Григорий Огнев вознамерился доказать читателям, какой негодяй Анатолий Кузнецов и как много он потерял, покинув СССР. Естественно было бы предположить, что Огнев поведает о том, как невыразимо страшно утратить райские кущи, молочные реки и кисельные берега коммунистического общества, как несчастен становится человек, лишенный возможности жить и работать "по-коммунистически". Но нет!

Огнев живописует ужасную участь Анатолия Кузнецова следующим образом:

"В терзающих кошмарами снах переребечика безнадежным, щемящим видением возникает далекая русская ширь — и видение это станет мукой". Ширь, это конечно тонко замечено, но как же насчет марксистско-ленинской глубины?

А дальше — площадная брань, патетические проклятия и бездоказательные обвинения — равно как и в статье Б. Полевого на страницах "Литературной газеты". Равно как и в письме тульских писателей, опубликованном "Литературной Россией".

вый автор. Отказываюсь от этой фамилии.

НА ЧТО НАДЕЮСЬ?

В последние годы, крепко запершись, тайно я изредка позволял себе пир: писал то, что хотел. Это было жутко и необычно. Это, как если бы в мире, где все ходят на четвереньках, кто-нибудь запершись в подвале, выпрямился и стал на ноги.

Затем, несколько месяцев я выкапывал из земли рукописи, переснимал их на пленку — и снова зарывал. Мне удалось перевезти через границу эти пленки, тысячи переснятых страниц, все, что я написал за свою жизнь. Здесь и известные мои вещи, например, "Бабий Яр", но только в истинном его виде. Здесь и такое, что в России опубликовано быть не могло. И такое, что вряд ли я смогу опубликовать его и на Западе.

Но теперь у меня есть хотя бы надежда. Хотя бы...

Во всяком случае, это произведения не Кузнецова, а совершенно иного писателя. Не советского, не западного, не красного, не белого, но — просто писателя, живущего в XX веке на Земле. К тому же предпринявшего отчаянную попытку быть в этот век честным, присоединяющегося к тем, кто борется за человечность в сегодняшней дикой, дикой, дикой жизни этого безумного, безумного мира.

Ваш

А. Анатолий

(Анатолий Кузнецов)

жет снова вспыхнуть и найти сочувствие в какой-то части Народа.

От такой перспективы Россия, после 50-летнего большевицкого владычества, безусловно застрахована. Невозможно себе представить, чтобы в толще Русского Народа нашлись бы еще какие-то сторонники коммунизма, которые рискнули бы об этом открыто заявлять. Тот, кто во время последней войны имел возможность хотя бы самое короткое время общаться с русскими людьми на месте, должен был бы вынести впечатление, что коммунизм в России раз и навсегда именно побежден, побежден не силой оружия и не антикоммунистической пропагандой, а самой жизнью, ее 50-летним опытом и теми многомиллионными жертвами, память о которых в каждой семье не допустит до повторения этого тяжелого кошмара.

Понимая таким образом наши российские перспективы, надо думать, что и тот переходный период от коммунистической диктатуры к Монархии, на который в Испании понадобилось 30 лет — для России будет очень и очень сокращен. Во всяком случае, складывать сейчас наше монархическое оружие из предположения, что мы, мол, до этих сроков все равно не доживем — пре-

ступно. Если по понятным причинам, мы не в состоянии непосредственно влиять на события, приближающие восстановление Российской Монархии, то мы можем и должны непрестанно об этом думать и оберегать ничем не запятанную себя Династию от лжи, клеветы и поношений.

В заключение своей статьи С. Л. Войцеховский говорит о плохой услуге России и Дому Романовых, которую, якобы, оказывают зарубежные русские публицисты.

"вкривь и вкось толкая Основные Законы рухнувшей Монархии". Надо признать, что наши публицисты занимаются этим меньше всего, а горячо трактуют об этом наши доморожденные законоведы и стоустая молва. Вообще же, как об этом пишет и С. Л. Войцеховский, никому из нас не дано предугадать сроков восстановления Императорской России и тех обстоятельств, с которыми это событие будет связано. Хочется верить, однако, что в случае народного волеизъявления, оно выразится не какими-то сухими цифрами в стиле демократических норм, а единодушным призывом в духе Московского Земского Собора 1613 года. Ал. Волков 13 августа 1969 г.

Прапорщик Нина Бойко

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция предлагает вниманию читателей отрывок "Прапорщик Нина Бойко" из находящейся в печати книги Сергея Шпаковского "ЖЕНЩИНА-ВОИН".

В конце 1917 и начале 1918 года некогда победоносные части Кавказской Армии покидали фронт. Тянулись бесконечные эшелоны уже не солдат, а "товарищей", не желавших ни за кого и ни за что воевать. Покидали они фронт тоже по-разному: были части сохранившие еще до некоторой степени свою привычную войсковую организацию и даже в рядах некоторых были офицеры, правда, загнанные и запуганные. Это были главным образом части некогда боевой 39-й пехотной дивизии, но были и такие эшелоны, в которых был сброд дезертиров разных частей, которые представляли истинный бич для мирного населения.

По постановлению местной казачьей власти в Екатеринодаре все части, проходившие через территорию Края должны были сдавать оружие, иначе их дальше не пропускали. Выполнение этого распоряжения не всегда шло гладко. Были созданы разные отряды, главным образом, состоявшие из молодых офицеров и учащейся молодежи, казаки редко шли в эти отряды. Сказывалась усталость от трехлетней войны, а кроме того они сами не испробовали большевизма на себе. Офицеры уверяли, что когда они узнают большевистский режим, то сами возьмутся за оружие.

В одном из таких отрядов, которым командовал молодой есаул, находилась девушка - прапорщик Нина Бойко. Она одной из первых добровольно вступила в отряд и несмотря на свой офицерский чин сразу стала первым номером на имеющийся в отряде единственный пулемет.

Никто не знал откуда она прибыла и где получила чин прапорщика, но по умению носить черкеску, ладно обтягивающую ее стройную фигуру, по оружию тщательно и с чисто казачьим вкусом подобранному, по лихо заломленной кубанке — было видно, что форму она носит не первый год. Но, что всем ее соратникам бросалось в глаза — это хладнокровное умение владеть пулеметом в бою и меткость стрельбы. Когда она с первой очереди накрывала цель, то не только молодежь отряда, но и бывалые офицеры поражались этому умению.

Не раз случалось, что не желавший сдавать оружие и оказавший сопротивление эшелон был пронзан несколькими очередями пулемета прапорщика Нины Бойко, и тогда на следующей станции перепуганные "товарищи" вместе с оружием выгружали и своих убитых и раненых...

Отряд, в котором находилась прапорщик Нина Бойко, стоял в Екатеринодаре, но постепенно из-за его лихости он

† 18-го августа 1969 г. волею Божией скончался

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ РУДНЕВ

и похоронен на кладбище Гарин, о чем сообщает опечаленная семья.

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Todavía son países Bálticos. Y lo auténtico recién aparecerá cuando, pasando por Riga y Revel, doblemos hacia el Este y, poco antes de Pskov, crucemos aquel límite de ensueños, aquella ex frontera de la Unión Soviética, detrás de la cual empieza el verdadero país del Soviet, habitado por hombres que hace casi un cuarto de siglo se llaman ciudadanos soviéticos. ¿Qué país es ése? ¿Qué hombres son? ¿Cómo vivían? ¿Cómo viven ahora? ¿Qué piensan respecto a lo que está sucediendo?

(Continuará)

стал, если можно так выразиться "летучим". Его перебрасывали то на одну, то на другую станцию по мере необходимости.

Этот отряд еще перед "Первым Кубанским генерала Корнилова походом" принял участие в жарком бою у станции Эйнем. Это был первый серьезный бой казаков с большевиками, которые уже к этому времени пытались придать своим частям некоторую организацию... Тяжелый бой. Со стороны Новороссийска подошли большие эшелоны распропагандированных "товарищей" солдат, командирами и предводителями у которых были "краса и гордость революции" — матросы.

Отряд казаков, в котором находилась прапорщик Н. Б., и без того небольшой, разделился на две части. Одна из них пошла в обход, а другая сдерживала фронтальный натиск неприятеля. Местность у ст. Эйнем болотистая и весь напор наступления красных определился по гати в направлении моста. Если бы им удалось взять мост раньше, чем обходной отряд выполнит свою задачу, судьба обоих отрядов была бы решена. Это было ясно не только командиру отряда, но и каждому из его бойцов. И вот тут-то и пригодилось умение прапорщика Нины Бойко владеть пулеметом. Только она и сдерживает наступающих красных. Очереди ее пулемета выкашивают наступающих. Благодаря этому продвигаются они медленно, а это ведь только и нужно, — нужно для того, чтобы обходной отряд успел зайти и ударить с тыла. Славно и мужественно работает пулеметчица, все меньше, все реже становится цепь наступающих и вот наступает момент... красные отступают... вот еще момент и они беспорядочно побежали: это с тыла ударили добровольцы, которые пошли в обход...

Но... молчит пулемет. Командир и ближайше бойцы бросаются к нему... На пулемете с рукой на гашетке лежит неподвижно прапорщик Нина Бойко. Одна из последних, шальных, пуль прервала жизнь этой героини девушки. Безмолвно склонили головы ее соратники перед ее бездыханным телом.

Похоронена Нина Бойко в братской могиле вблизи ст. Эйнем.

С. А. Шпаковский

Розыски

Щербака Алексея Николаевича, рожд. 6 сентября 1922 г. разыскивает сестра. Знающих что-либо о нем прошу сообщить в Редакцию "Нашей Страны".

А Н О Н С!

Находится в печати и в конце сентября сего года выйдет книга

СЕРГЕЯ ШПАКОВСКОГО

"ЖЕНЩИНА-ВОИН"

Эта книга содержит ряд очерков о героинях женщинах всех эпох и всех народов.

А Н О Н С!

А Н О Н С!

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — T. E. 44 - 3213

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

ВНИМАНИЮ Г. Г. ПОДПИСЧИКОВ
В ЧИЛИ

Редакция просит г. г. подписчиков, проживающих в Чили, вносить подписную плату за газету нашему Представителю Александру Ефимовичу Терехову по новому адресу:

A. E. Terehov, San Cristóbal 532,
Santiago de Chile

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

(Карлос Кальво 2851)

В воскресенье, 7-го сентября с. г.,
будет показан

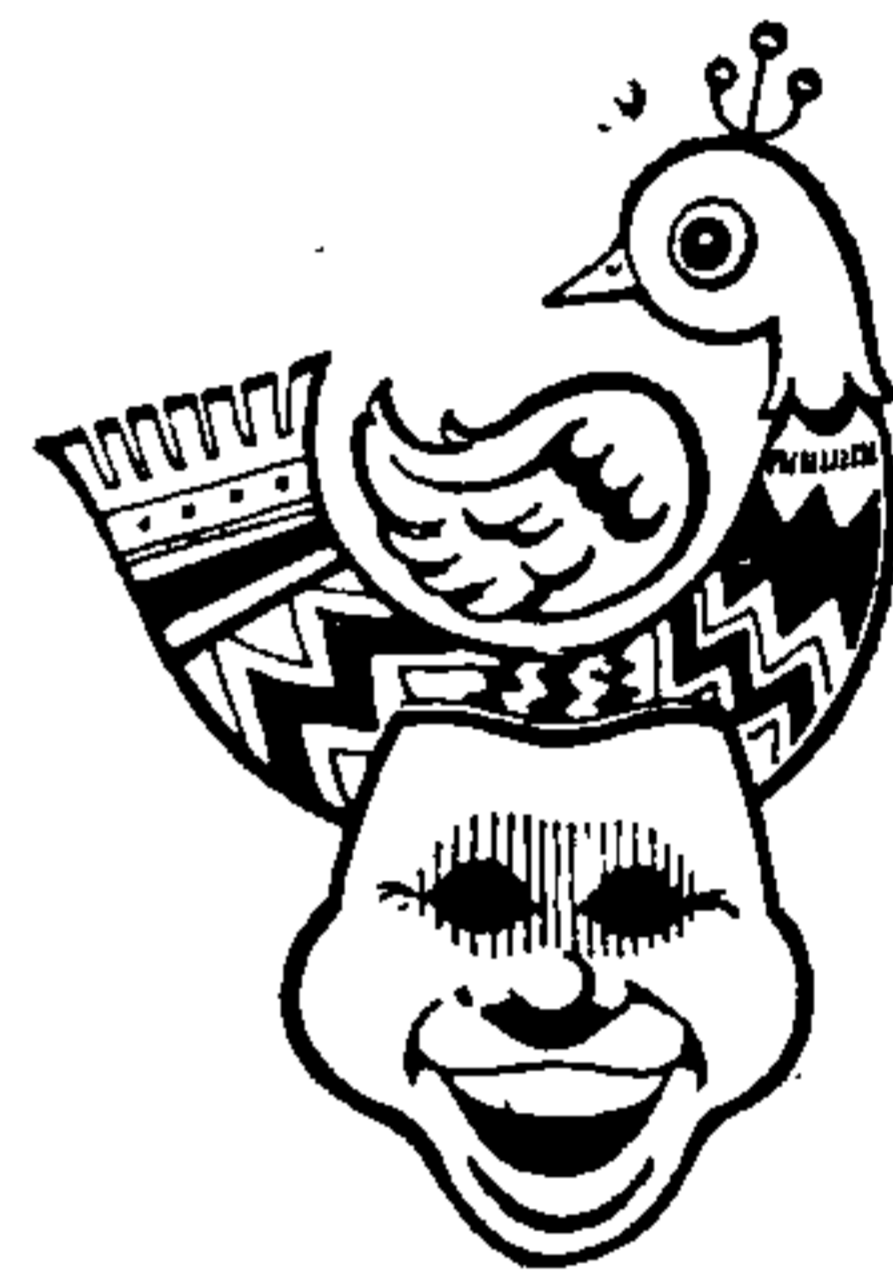
документальный, исторический фильм

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

Начало в 17.30 часов.

Вход 200 песо.

РТДД

1969

РУССКИЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ доводит до сведения своих друзей, что спектакли РТДД в 1969 году будут идти исключительно в театральном зале ОРЮР — улица Буэнос Айрес 2655, Оливос. Вместительность зала 70 сидячих мест, поэтому желающие посетить спектакли, благоволят заказать заранее билеты по телефону 44-6021 у г-на А. В. Баумгартена или г-на И. Н. Шмитова и вечером по телефону 32-0473 у г-на Баумгартена, там им будет указано число, час и № сидения по порядку заказа. Стоимость билета 200 песо.

Даты спектаклей:

СЫНИШКА (мой бэби)

Комедия в трех актах. Режиссер: И. И. Иванюков. Участвуют: З. Альбрехт, Н. Бойченко, М. Ловцова, Т. В. Черкасова, Е. Васина, О. Книрша и Н. Лукин, А. Книрша, Ю. Дятлов, П. Лукин, С. Мамонтов.

В воскресенье 14 и 21 сентября в 16 часов 30 минут.

В субботу 20 сентября в 20 часов.

МЫШЬЯК

Криминальная комедия в трех актах. Режиссер Г. Л. Лукин. Участвуют: В. А. Альбрехт, М. Н. Павлова, Л. Коваленко и И. Н. Шмитов, А. В. Баумгартен, С. Мамонтов, П. Лукин, Э. Зайковский, И. И. Иванюков, Р. А. Ловцов, А. Книрша, Н. Н. Седлецкий, Н. Лукин, Г. Л. Лукин.

В воскресенье 26 октября и 2 ноября в 16 часов 30 минут.

В субботу 1 ноября в 20 часов.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Сказка для детей Аксакова, будет поставлена на Акте Русской Субботней Школы ОРЮР. Режиссер: Г. Л. Лукин. Участвуют: Л. Андреева, В. Никольская, Л. Васина, Т. Мамонтова, Т. В. Черкасова, О. Книрша и С. Мамонтов, П. Лукин, А. Шмитов, статисты члены РТДД и ученики школы ОРЮР.

В субботу 6 декабря в 17.30 час. Вход для детей бесплатный, взрослые — добровольное пожертвование в пользу РСШ.

Второй спектакль в воскресенье 7 декабря в 17 часов.

Вход: дети — 100 песо, взрослые — 250 песо.

Декорации во всех спектаклях: художника И. Н. Шмитова. Свет: А. Зубов; Хореография М. Н. Павлова; Суфлер Т. Беликова; Музыкальное оформление: Г. Л. Лукин.